

Сто лет назад — летом 1891 года — по южной окраине царской России, в Закаспийской области Туркестана гастролировала малороссийская театральная труппа. В ней в качестве хориста выступал 18-летний Федор Иванович Шалалетин. Для него это было время неожиданных взлетов и неудач, радужных надежд и тревожных раздумий. Путь этих гастролей пролегал по маршруту от Уральска в Самару, затем в Астрахань. «Играли в Петровске, Темир-Хан-Шуре, Узунь-Ада» (ныне Махачкала, Буйнакс, Красноводск). И далее — по недавно построенной железной дороге до Самарканда. В пути труппа останавливалась в Кызыл-Арвате, Асхабаде, Чарджуе. Артисты показывали музыкальные спектакли, в которых Шалалетину поручали маленькие роли.

Как ни складывались жизненные ситуации молодого Ф. И. Шалалетина, они не могли оторгнуть его от сценической рамы. Театр, словно чародей, втягивал его в свою орбиту. «Театр свел меня с ума, сделал почти невменяемым», — писал он, вспоминая свои отроческие годы. За мизерную плату, за похлебку, а порой за так юный Шалалетин пел, исполнял, как мог, порученные роли, выполнял в театре любую работу.

Он очень быстро разоблачился в нотной грамоте, свободно и безошибочно пел по нотам. В юношеские годы, участвуя в оперных спектаклях, жил надеждой попасть в консерваторию с помощью меценатов и покровителей, но надежда эта не оправдалась.

Частные театры того времени, куда устранился Шалалетин, возникали, словно миражи, и исчезали по законам конкуренции театральным предпринимателям, и молодой Шалалетин вновь и вновь оставался не у дел.

Весной 1891 года Шалалетину улыбнулась фортуна: хозяин малороссийской театральной труппы Деркач сделал милость — принял певца в качестве хориста. Уже в те годы он знал наизусть многие партии из опер, народные песни, романсы. Радуюсь контракту, Шалалетин не сразу ощутил на себе, что такое подневольный труд актера, что значит быть зависимым от хозяина театра. И, хотя позже артист признается, что в малороссийском театре ему жилось скверно, только в потоне за театральным призраком он находит утешение.

Эти гастроли по югу Российской империи и стечение различных обстоятельств стали для молодого Федора Ивановича подлинными жизненными университетами и

постигает импровизационное искусство, интуитивно впитывает благородную, чуждую поддельную игру актеров, пробует силы в различных ролях, воспитывает себя.

Все «пустяки, мелочи», как говорил Федор Иванович впоследствии, имели для него огромное значение. «Я на них воспитываюсь, — признается великий артист. — То, чему учат нас Шекспир, Толстой, гении мира, даже на разум наш непрочно ложится, а мелочи

и немножко завидовал человеку, который умеет так сильно любить».

Таковы были нравы и контрасты жизни асхабадцев конца прошлого века. Вряд ли тех, кто на балах забавлялся с артистками заезжего театра, интересовали искусство, пьесы Кропивницкого и оперы Гулака-Артемовского.

В этой же поездке с Шалалетинным произошел весьма драматический эпизод, когда он был вытолкнут из вагона

гроша. Вечерело, но над песками по обе стороны дороги стояла душная муть. Я шагнул, обливаясь потом и опасливо поглядывая по сторонам. Мне рассказывали, что в этих местах водятся тигры и другие столь же неприятные букашки. По полотно дороги, вдоль которого я угрюмо шагнул, шмыгали ящерицы. Далеко в степи опускалось на песчаные барханы огромное, красное солнце. По небу растекался расплавленный чугун.

людей, на которых строится жизнь, если тяжелая лапа жизни хорошо поцарапала ему шкуру, — он не испортится от того, что несколько тысяч меценатов улыбнутся ему одобрительно и поднесут венок славы... Он сух, и чуть его души коснется искра идеи — он вспыхивает огнем желаний расплатиться с теми, которые вышвыривали его из вагона среди пустыни».

Шалалетинскую душу высушило не столько обжигающее солнце пустыни, сколько бессловесное примирение с антрепренером в Чарджуе и «экзотика» дна жизни, на котором он оказался по приезде в Баку осенью того же года.

Можно предположить, что в этой гастрольной поездке берет начало художественное взаимодействие шалалетинского таланта и межнациональной культуры народов Туркестана. Ибо мимолетные встречи в пути с деревнями, феодальной знатью, простолюдинами, их внешним обликом, жесты, интонации, загадочное пение муэдзинов подсознательно легли мощным пластом в цепкой шалалетинской памяти.

Исследователь таланта великого певца В. Дранков писал: «Источником, питавшим его образы, была сама действительность и прежде всего люди разных стран, с которыми встречался и общался Ф. И. Шалалетин». Действительно, в облике Варяжского гостя (опера «Садко» Римского-Корсакова), Нилаканты (опера «Лакме» Делиба), Кончана (опера «Князь Игорь» Бородин) и других восточных персонажей можно заметить большое сходство с «чернобородыми и безглазными людьми», которых артист встречал в поездке по Туркестану.

Всего два-три года пройдут после описанных выше событий — и начнутся триумфальные выступления Ф. И. Шалалетина. Однако туркестанские гастроли, «полные пестрых впечатлений», наряду с другими реалиями и фактами жизни, как весенние воды, будут питать творческую фантазию великого художника.

А. ХОЛБАЕВ,
преподаватель Республиканской средней специальной музыкальной школы.

ПОЧТИ ЗАБЫТОЕ

Туркестанская искра. — Асхабад. — 1991. — 15 июля

Гастроли по Туркестану

оперной школой на колесах. Поездка способствовала формированию личности Шалалетина, его целеустремленности. В нем вырабатывается способность собирать крупицы своих наблюдений, впечатлений в емкий резервуар актерской памяти.

«...Началась для меня пестрая, обильная впечатлениями, приятно-тревожная жизнь бродяги. Я уже совершенно свободно говорил и пел по-украински», — рассказывает об этих летних месяцах 1891 г. Шалалетин в «Страницах из моей жизни». В Кызыл-Арвате его «страшно поразил чугунолитейный завод». Певец не успокаивается, пока не узнает от своего коллеги фокус рабочего, который «совал руку по локоть в расплавленную массу и вытаскивал ее даже не обожженной».

«Прекрасный человек и артист был этот Иваненко, — замечает далее Шалалетин... — Играл он восхитительно, так правдиво, так искренне, что я почти всегда плакал от какой-то необъяснимой радости. Особенно трогало меня, когда он в «Невольниках» пел: «Ой, зійшла зоря, та вечорова!».

Восторгаясь мастерством безвестных артистов, Шалалетин

жизни, как пыль в бархат, проникают в сердце, порою отравляя его, а порою облагораживая».

Далее в «Страницах из моей жизни» Шалалетин вспоминает эпизод, происшедший в Асхабаде с его товарищем по труппе Колей Кузнецовым, который был влюблен в одну из артисток: «...Он вызвал меня из трактира Теусова, где я играл на бильярде, и предложил мне идти смотреть бал, устроенный офицерами, — пишет Федор Иванович. — Бал разыгрывался на дворе офицерского собрания, но нас, конечно, не пустили во двор. Мы влезли на забор и стали смотреть на танцующих. Танцевала с офицерами и та артистка, которую любил Коля. Сидя на заборе, как галка, я вдруг заметил, что Коля что-то шепчет из бутылки, а через две-три минуты я увидел, что он падает с забора. «Отравился», — подумал я, прыгая на землю и едва удерживаясь от желания позвать на помощь».

Но, к счастью, оказалось, что мальчик хотел заглушить свою ревность лошадиным приемом воина. Я отвел его домой, и, Господи! как он плакал всю ночь до утра. Утешая его, я думал: «А любовь-то — не шутка».

хозяином театра Деркачом и оставлен один на один с пустынней:

«Дорогой из Асхабада до Чарджуя я пережил нечто, что можно назвать и скверным, и смешным... Когда я, сидя в вагоне третьего класса, ел хлеб и колбасу с чесночком, в вагон вошел Деркач...

— Выбрось в окно чертову колбасу! Она воняет, — приказал он мне.

— Зачем бросать? Я лучше съем!

Деркач рассвирепел и заорал:

— Как ты смеешь есть при мне это вонючее?

Я ответил ему что-то вроде того, что ему, человеку первого класса, нет дела до того, чем питаются в третьем. Он одичал еще более. Поезд как раз в это время подошел к станции, и Деркач вытолкнул меня из вагона. Что мне делать? Поезд свистнул и ушел, а я остался на перроне среди каких-то инородных людей в халатах и чамахах. Эти чернобородые люди смотрели на меня вовсе не ласково. Сгоряча я решил идти вслед за поездом. Денег у меня не было ни

Я чувствовал себя вехоршо: эдаким несчастным Робинзоном до его встречи с Пятницей. Кое-как добравшись до станции, я зайцем сел в поезд, доехал до Чарджуя и, найдя там труппу, присоединился к ней. Деркач сделал вид, что не замечает меня. Я вел себя так, как будто ничего не случилось между нами. Я очень опасался, что он оставит меня в этих странах, где живут тигры, существуют «волосатики», ядовитый паучок «каракурт», скорпионы, тарантулы, лихорадки и, наконец, безглазые смуглые люди в халатах и чамахах...».

Сегодня невозможно узнать, на каком станционном перегоне был выброшен из вагона юноша Шалалетин, где он сидел на горячем песке — вблизи ли станции Уч-Аджи, или где-то на Репетекской равнине. Но только этот уголок Каракумов в течение всей его жизни будет напоминать ему, чего стоил тот осознанный протест, который он выразил вслух человеку из вагона первого класса.

Говоря о жизненных позициях великого певца, М. Горький писал: «Если человек проходил по жизни своими ногами, если он своими глазами видел миллионы